

КАТЕРИНА ШМОРГУН

ПРИНЦИПЫ

СБОРКИ

НЕБА

Катерина Шморгун

Принципы сборки неба

«Автор»

2026

Шморгун К.

Принципы сборки неба / К. Шморгун — «Автор», 2026

Спасательная капсула потерпела крушение. Связи нет. Кислорода — на считанные дни. До спасения — тридцать километров через пустоши чужой планеты. Глеб Соболев привык доверять только цифрам. Вера Татищева-Вонг разговаривает с небом и таскает с собой загадочный контейнер, который почему-то важнее жизни. Вместе им предстоит найти способ подать сигнал бедствия и понять одну неприятную вещь: не всё во Вселенной подчиняется расчётам. Космическая фантастика с романтической линией, атмосферой исследования неизвестного и героями, которым предстоит решить: можно ли собрать новое небо, и по каким принципам.

© Шморгун К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение	5
Глава 2. Ржавый путь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Принципы сборки неба

Глава 1. Падение

Он увидел землю за три секунды до удара.

— Держись! — Глеб даже не крикнул, просто выдохнул, вдавливая себя в кресло.

Капсулу швырнуло, завертело, и мир за иллюминатором перестал быть миром — только рыжая муть, только вой турбин, которые, захлёбываясь, пытались вдохнуть в себя ошмётки неба. Вой врывался в уши даже сквозь шлемофон, высокий, надрывный, дребезжащий. Глеб чувствовал, как мелкая вибрация корпуса проникает сквозь кресло, отдаётся в позвоночнике, ноет в зубах. А он тем временем считал. Быстро, автоматически. С детства приученный — сначала цифры, потом всё остальное.

Высота — четыреста. Скорость снижения — двадцать метров в секунду. Угол — критический. Они не успевали.

Если ударит носом — капсулу разорвёт. Если левым краем — она уйдёт под воду и не всплывёт. Есть только один шанс: выровняться на последней секунде, поймать глиссаду...

— Ну давай же, — прошептал он, обращаясь к капсуле, и его пальцы зло вбили последнюю команду в её мозг.

И в этот момент чья-то рука вцепилась в его предплечье. Будто дождалась момента, когда от него больше ничего не зависело.

Глеб дёрнулся, обернулся. Девушка из соседнего кресла — он даже имени её не запомнил за те два часа, что они летели. Она смотрела на него в упор. Глаза огромные, серые, испуганные до чёртиков. Но странное дело — в них не было паники. Только внимание и поддержка.

— Я с тобой, — сказала она ему, криво улыбнувшись. Голос в шлемофоне прозвучал глухо, с лёгким потрескиванием.

Глеб хотел огрызнуться: «да я не слепой» и «вот радость-то». Но не успел.

Капсула рухнула в воду. Удар вышел эпическим, будто могучий титан обрушил на них планету. Глеб прикусил щёку — во рту стало солоно от крови. На миг погас свет, потом яростно замигал аварийный красный, мерзкий — он залил всё вокруг.

В ушах стоял гул, сквозь который пробивался шипящий звук — микрофоны шлема подсказывали: аварийная разгерметизация контура. Между тем капсула определила своё положение в воде и начала медленное маневрирование. Глеб снова судорожно вцепился в панель, нажатием тугой кнопки запуская роботов-ремонтников.

— Живы, — выдохнул он и отключился.

Сознание вернулось, будто удар под дых — боль в плече, рёбрах, затылке. Глеб открыл глаза и несколько секунд тупо смотрел в иллюминатор, на зарывшийся в берег нос капсулы, на колышущуюся вокруг мутную льдистую зелень.

Озеро?

Он придвинулся к пульту и на автомате провёл диагностику, пальцы сами заплясали по сенсорам.

Искин вывел данные: глубина у берега — три метра, вода в капсулу уже не поступает. Кислородный контур восстановлен. Роботы сделали свою работу, но их ресурс был на пределе — показатель готовности тревожно мигал где-то в оранжевом секторе.

Связь... Связи не было.

— Чёрт, — выдохнул Глеб и ударил кулаком по подлокотнику кресла.

Рядом зашевелились.

Он повернулся. Девушка приходила в себя — моргала, трясла головой, пытаясь согнать с глаз пелену. Тёмные волосы выбились из-под шлема, прилипли к вискам. Лицо тонкое, чуть скуластое — может, монгольская кровь, может, калмыцкая, сейчас не разберёшь. На скафандре, поверх стандартного крепления, висел небольшой контейнер. Она держала его даже в падении. Слово он был важнее её жизни.

Убедившись, что воздух капсулы пригоден для дыхания, он наконец с трудом стянул с головы шлем. Отстегнул ремни безопасности, встал, потягиваясь и стараясь вернуть к жизни окаменевшие мышцы спины и плеч, провёл рукой по короткостриженому затылку, потрогал саднящую скулу, взглянул на отражение в щитке шлема. Под глазом наливался фингал. «Красавчик», — усмехнулся он, чувствуя, как нервно дёрнулась щека. И цепляясь за поручни, молча перебрался к аварийной дублирующей панели. Пахло сложной смесью натужно нагнетаемого из резервуаров холодного кислорода, обладающего почти стерильной свежестью и чуть-чуть — гарью. Пластик кое-где всё же оплавился.

Он вывел данные по атмосфере на поверхности:

— Азот — 78%, кислород — 16%, метан — 1,5%... — прочитал он вслух. — Дышать на поверхности без скафандра можно часа два, но с большими неприятностями. В случае разгерметизации скафандра: переохладение, токсины и галлюцинации. Потом — смерть.

— Что это? — спросил он, кивая на контейнер.

Она не ответила. Лишь машинально проверила пальцами защёлки на нём, убедилась, что цел, и только потом подняла на него глаза.

— Моя работа.

Голос тихий, но без дрожи. И взгляд... Глеб не ожидал такого взгляда у девчонки, которая только что чуть не разбилась — спокойный, ровный. Слово она каждый день падала с неба.

— Дипломная? — уточнил он.

— Можно и так сказать.

— Снимай шлем, не трать кислород в скафандре, он нам ещё пригодится, — сказал он ей и снова отвернулся к панели, выводя на экран данные по запасам еды и воды. Краем глаза заметил, что она не лезет с вопросами, не мешает — просто сидит и ждёт. Редкое качество для паникующей девицы.

— Тебя как зовут? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вера, — ответила она, положив шлем рядом с собой и собирая длинные волосы в хвост.

— Вера, — повторил Глеб. — Сильное имя. А главное своевременное. Очень подходит для того, чтобы верить, что мы выберемся.

Он хотел, чтобы это прозвучало шуткой. Получилось злее, чем планировал. Она не обиделась.

— А тебя как зовут?

— Глеб.

— Глеб. — Она произнесла его имя с лёгким любопытством, — просто Глеб?

Он обернулся. В её глазах не было вызова — только интерес. Чистый, почти детский.

— Соболев, — добавил он. — Глеб Соболев. Планетарный инженер, четвёртый курс. Из Сибири. Довольна?

— Вполне, — она кивнула, — а я Татищева-Вонг. Тоже четвёртый курс. Биоинженерия. Глеб моргнул.

— Татищева? — переспросил он.

— Да. — Она едва улыбнулась уголками губ, — но ты не бойся, я обычно не кусаюсь и титулом ни в кого не тычу.

Татищева. Настоящая княжна. Из тех самых Татищевых, что только недавно удостоились княжеского титула. А вторая часть фамилии — китайская? Или корейская? Чёрт её разберёшь...

— А что аристократы теперь ещё и в инженеры пошли? — спросил он.

— А что потомственные технари на аристократов стали косо смотреть? — удивилась она, насмешливо улыбнувшись. Глеб снова захотел огрызнуться, но поймал себя на том, что не знает, что ответить. В самом деле, его дед из Европы пешком уходил, в Сибири с нуля поднимался, отец подземные города строил — а он, Глеб, первый в роду, кто в космос вышел. И что? Она виновата, что у неё предки не лаптем щи хлебали?

— Ладно, — буркнул он. — Проехали.

Вера кивнула, принимая капитуляцию.

— Тогда давай работать. Нужно точно узнать, сколько у нас времени.

Он провёл инвентаризацию быстро — система услужливо выдала данные.

— Запасов кислорода капсуле хватит на десять дней, если не устраивать танцы. В запасных баллонах к скафандрам его ещё на неделю. Еды — на двадцать дней. Воды — на пятнадцать. Он обернулся к Вере. — Капсула стоит у самого берега, если придётся, сможем высидеться. Но ночь безопаснее провести здесь.

Вера слушала внимательно, не перебивая. Хороший признак.

— Связи нет, — продолжил Глеб. — Но на орбитальной станции знают, что мы упали. Сигнал бедствия с капсулы они получить были должны. Но из-за электромагнитных бурь заперенговать нас точно не смогут. Ближайшее окно для спасательного бота появится — через три-четыре дня, когда буря стихнет. Если, конечно, нам повезёт.

— И что будем делать? — спросила Вера.

— Чтобы они нашли нас быстро, надо подать сигнал с ближайшего наземного ретранслятора. Геодезическая вышка в тридцати километрах отсюда. Там должен быть аварийный передатчик, он работает от генератора. Если доберёмся и включим — спасатели увидят точку.

— А если не доберёмся?

— Тогда они будут искать нас вслепую. Может, найдут через неделю. Может, через две. Может, вообще не найдут, сама понимаешь, помехи и бури здесь ещё лет сто не прекратятся.

Вера кивнула, не спросив ничего. Глеб хотел добавить, что топтать по чужой планете так далеко в скафандрах — это почти безумие, что запасов кислорода впритык, что вышка может оказаться нерабочей. Но не стал. Зачем пугать раньше времени?

— Мы должны позаботиться о себе сами, — сказал он вслух.

— Соображаешь, — уважительно усмехнулась Вера.

Глеб фыркнул. Потом, помолчав, спросил:

— А сама что думаешь?

— Я тоже так думаю. На небо надейся, а сам не плошай.

Глеб замер и недоуменно, повернулся к ней. — Ты серьёзно? Про небо?

Вера перевела глаза на иллюминатор, за которым уже начинало темнеть и клубился рыжий туман Славии-7.

— А ты? — спросила она задумчиво. — Во что веришь ты?

Глеб открыл рот, чтобы ответить. В расчёты. В свои руки. В то, что можно починить. Но этот ответ показался ему слишком плоским. И он промолчал.

Ночь наступила быстро — местное солнце село, но перед этим устроило им такое зрелище, что у него замерло дыхание. Ардол — звезда земного типа, казавшаяся сплюснутым и дрожащим шаром, утонула в абрикосовых с охристыми подпалинами облаках, окрасив их перед смертью в кроваво-красные разводы. Наступила темнота. И только редкие синие и зелёные вспышки далёких гроз освещали горизонт.

Глеб сидел у панели управления, перебирая в уме варианты возможного спасения. Капсула чуть покачивалась на мелководе. Вокруг уже образовалась корка льда. Температура после заката резко упала. Снаружи — где-то вдали что-то ухало и время от времени доносился протяжный скрежет, от которого по коже ползли мурашки. Он обернулся.

Вера спала в кресле, свернувшись калачиком, положив руку на контейнер. Лицо во сне разгладилось, исчезло то напряжение, которое держало её днём. Обычная девчонка. Лет двадцати — двадцати двух. Татищева-Вонг. И что она забыла в планетарной инженерии? Могла бы сидеть в родовом имени, вышивать крестиком, устраивать благотворительные приёмы или чем там обычно аристократки занимаются. Нет, потащилась в дальний космос. Он покачал головой. Впрочем, её-то точно будут искать, и это может увеличить их шансы. Но как мы здесь будем выживать?

Глеб ещё долго сидел, слушая тревожащие его звуки за бортом.

Утро пришло такое же рыжее, как и всё здесь. Он не спал — задремал только под утро, но чутко, на грани. Проснулся от того, что затекла шея — видимо, так и сидел, прислонившись к панели. Окружающий воздух стал спёртым, заставляя его задуматься о ледяном утреннем душе и о кофе.

Вера проснулась сама, когда системы капсулы включили утренний цикл освещения — лампы загудели, залили отсек ровным белым светом.

— Доброе, — хрипло сказал Глеб, в горле першило. — Как спалось?

— Нормально, — ответила она. Голос её был твёрже, чем вчера. — Что решил?

Глеб развернул на гибком планшете карту.

— Вот здесь мы, — ткнул он пальцем в точку на озере. — Вот здесь вышка. Тридцать километров. По прямой через равнину, вдоль горной гряды. Здесь и здесь есть разведанные естественные пещеры. Дорог нет, только лишайник и камни. В скафандрах, с запасом кислорода на десять дней — мы дойдём за два, если не будет новой бури. Если буря накроет нас раньше, чем доберёмся, — зальжем в пещерах, переждём. У нас есть дня три-четыре, пока спасатели не начнут прочёсывать сектор.

— Да, я слышала об этих пещерах — читала отчёты семнадцатой экспедиции. Там уникальный симбиоз — лишайники-метанотрофы, даже какая-то фауна. Говорят, можно дышать без скафандра. Я всегда мечтала туда попасть, — Вера улыбнулась, но потом, словно опомнившись, перевела взгляд с карты на иллюминатор. А потом задумчиво дотронулась до его стекла пальцем и резко одёрнула. Обжигающий холод снаружи, казалось, только и ждал, чтобы вцепиться в них, когда они наконец-то покинут капсулу.

— А если буря не стихнет? — с беспокойством спросила она.

— Стихнет. Они здесь циклические, по данным геослужбы. Три-четыре дня затишья между пиками. Мы попали в начало цикла. Значит, успеем.

— Откуда такая уверенность?

Глеб усмехнулся:

— Я инженер и доверяю цифрам.

Вера посмотрела на него недоверчиво, но ничего не сказала.

— Собирайся, — Глеб поднялся, протягивая ей бутылку с насыщенной витаминами апельсиновой водой, пахнущей апельсином. — Выходим через час. Доберёмся до горной гряды, а дальше — по карте. Капсула останется здесь, это наша база. Если не найдём вышку, вернёмся.

Вера вдруг обеспокоенно вскинулась, подняв на него глаза.

— Контейнер.

— И что с ним?

— Я возьму его с собой.

Глеб скептически посмотрел на неё, потом на контейнер, который она снова прижала к груди.

— Это ещё зачем? Он тяжёлый?

— Нет.

— Но зачем?

Вера помолчала. — Пригодится, — уверенно сказала она наконец. — Не выбрасывай его, что бы ни случилось. Обещай.

Глеб хотел спросить, что там такого ценного, чтобы рисковать жизнью. Но что-то в её дрогнувшем голосе его остановило.

— Ладно, — буркнул он. — Бери. Но если придётся выбирать между твоим контейнером и нашими жизнями — я его выкину.

Вера чуть улыбнулась: — Не придётся.

Через час, когда за бортом уже заметно потеплело, они стояли у люка. Скафандры проверены, запасные баллоны закреплены на поясах, еда и вода — в ранцах. Глеб ещё раз прогнал контрольные списки, убедился, что ничего не забыли.

— Готова?

Вера кивнула. Но не двинулась с места.

— Что ещё?

— Минуту, — попросила она. — Можно?

Глеб нахмурился. Минуту? У них каждая секунда на счету. Но она уже отвернулась к иллюминатору.

Девчонка стояла и смотрела на яркий малиновый восход и такое бирюзовое здесь небо. Просто стояла. Руки вдоль тела, голова чуть поднята. Дышала глубоко и ровно, хотя в скафандре дыхание и так было под контролем системы.

Глеб хотел сказать: кончай ерундой страдать, идём. Но почему-то не сказал. Язык не повернулся. Он смотрел на неё и чувствовал что-то странное. Вокруг стало тихо. Казалось, даже гул систем ушёл на задний план, даже собственное дыхание перестало слышаться. И в этой тишине Глеб вдруг осознал, что слышит своё тело. Как бьётся сердце, как пульсирует жилка на виске. Как воздух входит и выходит. Как где-то глубоко внутри, под рёбрами, отчего-то теплеет. Глупость, конечно. С непривычки. С переутомления. Но когда Вера повернулась и сказала: идём, Глеб поймал себя на мысли, что ему действительно стало спокойнее. Но он тут же отогнал эту мысль. И в этот момент за окном сверкнула яркая зелёная вспышка. Глеб вздрогнул.

— Что это?

— Метан в атмосфере даёт такой эффект на рассвете, — тепло улыбнулась Вера. — Не бойся. Всё будет хорошо. Я договорилась с местными небесами.

— Идём, — ответил он и открыл люк, покачав головой. Только сумасшедшей девицы ему и не хватало.

С шипением разошлись створки тамбура. Глеб никогда не думал, что у воздуха может быть цвет, но у этого он определённо был. Микроскопические кристаллики льда струились и плясали в воздухе, образуя странные белёсые радуги, причудливо выгнувшиеся над предгорьем целым рядом арок. Рядом с побелевшим ближе к зениту солнцем, безмолвным двойником, застыло огромное гало. Глеб первым ступил на берег озера. Температура воздуха, судя по показателям на экране шлема, была уже плюс десять градусов, токсичный, влажный холод ударил в стекло шлема, но внутри было сухо и тепло, как в коконе, системы справлялись.

Чёрный песок, усыпанный обломками камней, поскрипывая, принял ребристые подошвы его серебристых ботинок в своё ледяное нутро. Пятна лишайника — коричневого с бежевой окантовкой, словно покрытые инеем — тянулись к самой воде. Влажные, поплёскивающие. Он

обернулся, протянул руку Вере. Она молча приняла её, опёрлась и спрыгнула. Впереди лежала чужая планета, тридцать километров неизвестности и, возможно, смерть.

Глеб обернулся. Капсула одиноко белела на отмели, и над ней, разрывая тучи, разгоралось слабое зелёное сияние. То самое, что Вера называла «ответом небес».

— Надеюсь, вы и правда договорились, — пробормотал он и решительно зашагал вперёд.

Глава 2. Ржавый путь

Она никогда не думала, что небо вообще может быть таким ярким. Над равниной нависала низкая облачность, подсвеченная изнутри багровыми сполохами. Чужое небо и чужая земля под ногами — чёрный песок хрустел под подошвами скафандра, и хруст этот передавался через ступни, гасился амортизаторами, но всё равно чувствовался — вибрацией, почти незаметной.

Глеб шёл впереди. Метрах в трёх. Не оборачивался. Сверялся с картой на планшете, иногда останавливался, чуть смещался и снова двигался вперёд, широко шагая, будто хотел оторваться от неё, убежать.

Вера не обижалась. Она вообще не умела обижаться на таких — насупленных, молчаливых, вечно недовольных. Дома, в имении, было полно людей с подобными лицами, пока бабушка ей не объяснила: это не злость, это страх и сомнения. Страх не справиться, оказаться слабым. Страх, что кто-то увидит эту слабость.

И Глеб боялся. Вера чувствовала это кожей, хотя кожу сейчас закрывали три слоя защитной ткани и пластик скафандра. Но он боялся правильно. Не суетился, не срывался, не тратил силы на пустые слова. Просто шёл, считал, проверял и иногда сжимал пальцы так, будто хотел придушить весь мир за то, что тот оказался плохо спроектирован. Они шли уже третий час. Равнина тянулась бесконечно — рыжая, плоская, только редкие валуны торчали из песка, облепленные лишайником. Лишайник рос везде: серо-зелёными пятнами на камнях, коричневыми корками на песке, тонкими бахромчатыми нитями у трещин. Вера узнавала его. Биоинженеры Империи вывели эту культуру шестьдесят лет назад — первый шаг к тому, чтобы превратить Слaviю в планету, пригодную для жизни людей. Лишайник выделял кислород, поедая метан, обогащая мёртвый грунт органикой. Пионер жизни.

Она хотела остановиться, рассмотреть, но Глеб не останавливался. Только шёл и шёл. Вера смотрела на его спину. Широкие плечи, чуть сутулые, — привычка много сидеть за чертежами? Или так идти удобнее? Руки движутся расчётливыми экономными движениями в такт шагам, — раз-два, раз-два. Шаг чёткий, солдатский почти. Интересно, а он служил?

Или только закончил курс инженерной военной подготовки для внешников?

У них он был довольно интенсивный. Вера тоже проходила такой, но чуть проще, — однако она вряд ли смогла бы посадить капсулу так, чтобы они не разбились. При воспоминании о падении по спине снова прокатился запоздалый лёд страха.

Мысли текли медленно, вязко, как сироп. От усталости? Или от того, что вокруг не было ничего, кроме рыжего и чёрного, и глазу не за что было зацепиться?

Она почувствовала это раньше, чем загудели приборы.

Вера шла след в след за Глебом, глядя себе под ноги, и вдруг поняла: лишайник под подошвами стал другим. Утром, когда они вышли, он был упругим, влажным, с лёгким хрустом продавливался под ботинками. Сейчас — съёжился, поджал края, оцетинился, словно чёрный ёж пытался спрятаться от чего-то.

Она остановилась, присела на корточки, провела пальцем в перчатке по ближайшему пятну. Сквозь ткань скафандра чувствовалось — он вибрировал. Часто, тревожно и едва заметно, дрожал.

— Стой, — сказала она.

Глеб остановился через три шага. Обернулся. Из-за светоотражающего стекла шлема его лица было не разглядеть, только напряжение в плечах.

— Чего?

— Лишайник съёживается. Он явно чувствует опасность.

— С чего ты взяла?

— Я как бы биоинженер. Посмотри сам.

Он подошёл, наклонился, всмотрелся в пятно. Потом выпрямился, глянул на планшет.

— Данных о приближении грозы нет. Сканеры молчат.

— Они и будут молчать, пока буря нас не накроет. А лишайник гораздо чувствительнее. Он уже сжался в комок. Глеб молчал. Вера видела, как он колеблется — инженер, привыкший полагаться на приборы, и девчонка, которая только что восторженно глазела по сторонам.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пройдём ещё немного. Если что — вернёмся к капсуле.

— Не вернёмся, — тихо сказала Вера. — Если нас накроет здесь на голом плато, мы не успеем. Он снова задержал на ней свой взгляд что-то взвешивая. Перевёл глаза на горизонт. А там, на востоке, небо начинало светиться. Не рыжим цветом, а белым, слепящим, будто кто-то разжигал гигантскую лампу за тучами. Гул помех, низкий и едва слышный, начал медленно нарастать, заполняя шлем.

— Чёрт, — выдохнул Глеб. — Бежим. Там должна быть пещера.

Он схватил Веру за руку и рванул к скалам.

Она бежала и всем телом чувствовала, как мир вокруг меняется.

Воздух сгустился, стал тяжёлым, электрическим. Тут и там начали появляться миражи из туманного марева. Волосы под шлемом встали дыбом. В наушниках зашипело, потом завывало, и этот вой начал вгрызаться в уши, отдаваясь в висках пульсирующей болью.

Глеб тащил её за собой, не оборачиваясь. Его пальцы мёртвой хваткой, вцепились в её запястье. Вера споткнулась о камень, чуть не упала. Глеб подхватил её, рванул вверх, практически понёс на себе. Она слышала его дыхание — частое, рваное. Оно врывалось в шлемофон и смешивалось с её собственным.

— Ещё немного! — натужно прошипел он, на выдохе, подтягивая её за собой вверх по горе. Вера чувствовала, как где-то у горла колотится сердце.

Вход в пещеру возник внезапно — чёрная дыра в скале, почти заваленная камнями. Глеб отодвинул плечом пару глыб и нырнул в пещеру первым, затягивая её за собой, протащил ещё метров десять подальше от входа. Темнота накрыла мгновенно, только слабый свет аварийных огней на скафандрах. Затем он остановился, упёршись руками в стену.

— Стой, — выдохнул он. — Стой... тут...

Он дышал тяжело, с хрипом втягивая в себя воздух. Вера тоже тщетно пыталась отдышаться, во рту пересохло, лёгкие горели. Она прислонилась спиной к холодному камню, сползла вниз, села прямо на пол. Казалось, ещё мгновение, и её голова взорвётся от напряжения.

— Живы, — сказал Глеб. — Живы...

Снаружи грохотало. Гул перешёл в рёв, и даже сквозь толщу скалы было слышно, как беснуется небо. Где-то совсем рядом с пещерой ударила молния — и свет на секунду стал ярче дня.

— Здесь можно дышать, — сказала она, вздрогнув от неожиданности.

Глеб посмотрел на показатели на запястье.

— Азот — 78, кислород — 21, углекислый газ — меньше процента. Чёрт... ты права. Лишайники выделяют кислород.

— Я же говорила.

— Это да, ты постоянно говоришь, — усмехнулся он, но без злости.

Она смотрела на Глеба. Он сидел напротив, прислонившись к стене, и стаскивал шлем. Руки его дрожали. Замки никак не поддавались.

— Дай, — сказала Вера, подалась вперёд и помогла ему отстегнуть фиксаторы.

Их пальцы встретились. Замерли на секунду дольше, чем нужно.

— Спасибо, — буркнул он и отвернулся.

Они сидели молча, приходя в себя. Гул снаружи постепенно стихал, переходя в ровный, монотонный шум — дождь? Ветер? Вера не знала.

Она тоже сняла шлем, и наконец вдохнула сырой воздух пещеры. Он был прохладным, влажным, пах чем-то кисловатым — лишайники? И ещё чем-то почти забытым... не лесом, а чем-то, что лес напоминает, но будто собранным из других нот. Вера улыбнулась и поднялась на ноги. Пора было осмотреться.

Пещера оказалась больше, чем казалось от входа. Свод уходил вверх, теряясь в темноте. Стены были покрыты налётом — серо-зелёным, влажным, местами поблёскивающим. Она подошла ближе, провела пальцем в перчатке.

Лишайник. Но не такой, как снаружи. Этот был более склизким, словно водоросли. По стенам струилась влага. Под пальцами чувствовалось, как похожий на водоросль лишайник вибрирует — едва заметно, в такт её пульсу. Или ей снова это только показалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.